Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 180–201
Imagology and Comparative Studies. 2024. 22. pp. 180–201

Научная статья
УДК 821.161.1+82.091
doi: 10.17223/24099554/22/11

«Пиитическая Малороссия»: украинская пространственная образность в травелоге «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча

Сергей Сергеевич Жданов[1, 2]

[1] *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия*
[2] *Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия*
[1, 2] *fstud2008@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены образы украинского пространства в травелоге «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча. Выявлена пространственная структура описания, построенная на феномене лиминальности между своим и чужим. Установлены пространственные оппозиции, маркирующие данное пространство по отношению к русскости: «германские земли – Россия», «Галиция – Малороссия», «Малороссия – Великороссия», «Киев – малороссская провинция». В образе Киева отмечены мотивы древности, сакральности, ониризма.

Ключевые слова: пространство, Украина, Киев, травелог, Н.И. Греч, лиминальность, идиллия, ониризм, история, русская литература

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы»

Для цитирования: Жданов С.С. «Пиитическая Малороссия»: украинская пространственная образность в травелоге «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча // Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 180–201. doi: 10.17223/24099554/22/11

© С.С. Жданов, 2024

Original article
doi: 10.17223/24099554/22/11

"Poetic Little Russia": Ukrainian spatial imagery in the travelogue *Travel Letters from England, Germany and France* by Nikolai Gretsch

Sergey S. Zhdanov[1, 2]

[1] *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*
[2] *Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation*
[1, 2] *fstud2008@yandex.ru*

Abstract. The article deals with images of the Ukrainian space in the travelogue *Travel letters from England, Germany and France* by Nikolai Gretsch. This spatial imagery is based on the phenomenon of liminality. Ukraine acts in the text as a border space between German (Foreign) and Russian (Own). The image of Galicia as a "no man's land" is highlighted. Formally, it belongs to the Austrian Empire, but its Germanness is denied with a number of oppositions, where orderliness, coziness, cleanliness, philistinism are associated with German loci (the image of a typical German burgher idyll), whereas Galician ones are marked by disorder, poverty, visual unattractiveness, dirt, darkness, narrowness (the image of an entropic space). The only "enclaves" of order and wealth in Galicia are represented by the palaces of magnates, which are sharply separated from the surrounding area of the village. Galicia is also opposed to Little Russia within the framework of the opposition "entropic space – idyllic space". Volhynia being a part of the Russian Empire is more marked by the Own. The markers of its Russianness are Orthodoxy and the Russian language, associated with the peasant (non-elite) level of territory description. In addition, Volhynia is attributed as the Own by its connection with the historical space of the Russian Galician Principality. Within the left-bank Ukrainian (Little Russian) space, Poltava Province is mentioned, but its image is given in the most general terms and actually merges with the "typical" image of Little Russia as an idyllic space, "noonday Russia". At the same time, both variants (the Little Russian and the Great Russian) are thought of by Gretsch as the single Own, the Russian space. The narrator's focus in the "Ukrainian" travelogue fragment is aimed at describing Kyiv as a center. This is emphasized by the vertical of hills, which elevates it above the horizontal of other Little Russian loci and marks its connection with the heavenly sacred space. It should be noted that the

mythological chthonism of the Lower World is not inherent in the representation of Kyiv, on the contrary, the underground cells of the Kyiv Pechersk Lavra are associated with the image of the heavenly (metaphysical) sun, i.e., with the Upper World. In general, the Kyiv spatial structure in Gretsch's travelogue is a combination of several images. There is a common idyllic element that fits Kyiv into the imaginative geographical Little Russia space and marks this locus with motifs of coziness, well-being, breadth, visual attractiveness, and legendarity. The connection of Kyiv with Great Russia is marked by the language. Kyiv is also depicted as an "eternal city", i.e., the first city for the common Russian space. The Kyiv chronotope presupposes the conjugation of times: the past continues to live in the present, including the "visionary" experience of the narrator. Many Kyiv loci are also marked with the motif of sacredness, a connection with the Russian version of "sacred history". At the same time, the oniric Kyiv dominates the image of the "real" city.

Keywords: space, Ukraine, Kiev, travelogue, Nikolai Gretsch, liminality, idyll, onirism, history, Russian literature

***Financial Support*:** The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01431; Novosibirsk State Technical University.

For citation: Zhdanov, S.S. (2024) "Poetic Little Russia": Ukrainian spatial imagery in the travelogue *Travel Letters from England, Germany and France* by Nikolai Gretsch. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 22. pp. 180–201. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/22/11

Украинская пространственная образность, без учета которой картина российского культурного ландшафта вряд ли представима, закономерно привлекала внимание многих литературоведов, доказательством чему служат, например, диссертации И. Булкиной [1] и Т.А. Васильевой [2], монографии А.В. Марчукова [3] и О.С. Крюковой [4] и иные научные работы (например, цикл статей В.С. Киселева и Т.А. Васильевой [5–7], исследования Е.Е. Левкиевской [8], Д.П. Овчинникова [9], О.В. Мамуркиной [10], А.А. Сторожевой [11], Д.В. Шаталова [12]). Несмотря на это, изученность репрезентации имажинально-географической Украины в русской словесности XVIII–XIX вв. все еще далека от полноты.

Заполнить одну из исследовательских лакун призвана данная работа, посвященная имаголого-семиотическому анализу украинской пространственной образности в травелоге «Путевые письма из Ан-

глии, Германии и Франции» Н.И. Греча. В этом тексте описаны дорожные впечатления автора от поездки в 1837 г., в том числе от посещения Малороссии на обратном пути в Санкт-Петербург. Хотя эти гречевские путевые письма анализировались в ряде работ (например, [13, 14]), в них в фокусе исследования авторов находились прежде всего «заграничные» фрагменты путешествия, тогда как «украинская» часть травелога писателя, насколько нам известно, ранее не рассматривалась в литературоведческих исследованиях.

Поскольку Греч возвращается на родину через Австрийскую империю, то оппозиция «Свое – Чужое» в тексте получает вариант «Российская империя (куда входит и Малороссия) – Германия (как собирательный образ, включающий северно- и южногерманские земли)». Между этим Своим и Чужим существует также третье, лиминальное, пространство, в качестве которого выступает Галиция, формально на момент написания произведения относящаяся к Австрийской империи, но не воспринимающаяся автором как немецкое, в отличие, например, от Моравии: «…переехав чрез границу Моравии в Галицию, простились с Германиею…»[1] [15. С. 184]. При этом Галиция характеризуется «апофатически» – через отрицание немецкости, в состав которой входят «опрятность», «удобства пути», «грубые и неповоротливые, но честные хозяева с ласковыми хозяйками и с миловидными прислужницами» [15. С. 184], т.е. Галиция Греча всех этих черт лишена.

Если образ Германии в русской литературе конца XVIII – первой половины XIX в. обычно маркирован упорядоченностью, уютом, изобилием, одним словом, изображается в целом положительно – как идиллическое пространство, то образ Галиции, напротив, характеризуется неупорядоченностью, бедностью, непривлекательностью, грязью: «Селения бедные, хижины кривые и косые. В глубокой грязи бродят... убого одетые крестьяне» [15. С. 184–185]. Соответственно, образ галицийского пространства в тексте Греча контаминирован с образом тюрьмы, что, в свою очередь, порождает парадоксальный мотив статичной динамики, когда нарратор путешествует, но ничего вокруг не меняется, он формально двигается, но при этом «сидит»: «Я считал

[1] Здесь и далее орфография и пунктуация текста Греча приближены к современным. – *Авт.*

часы и дни этого странствия, как бы сидел в тюрьме» [15. С. 185], т.е. Галиция выступает как малозначимое пространство, пребывание в котором расценивается в качестве наказания или досадной неизбежности. Заметим, что негативными мотивами грязи, бедности отмечены не только рустикальные локусы, но и урбанистический локус «Львова, или Лемберга», «главного города Галиции» [15. С. 185]: «Из окна видел я здания довольно высокие, улицы грязные, публику самую скудную» [15. С. 186].

Среди этого энтропийного пространства встречаются, правда, упорядоченные локусы местной элиты (магнатов), маркированные визуальной привлекательностью, богатством, масштабностью, удобством. Но эти «анклавы» порядка с чертами, контрастирующими с пространственными характеристиками прочей Галиции, не сглаживают, а лишь подчеркивают общую неупорядоченность: «В двух местах видел я великолепные загородные замки или, лучше сказать, дворцы некоторых магнатов. Дома величественные, просторные, с обширными парками, с многочисленными службами; но из зеркальных окон этих палат взор ликующих друзей богатого Амфитриона простирается на бедные, грязные, полуразвалившиеся хижины, в которых теснятся голодные крестьяне…» [15. С. 185]. Заметим, что Греч смягчает социальный контекст описания, затушевывая критику магнатов, которые в рамках изображаемого хронотопа есть не акторы, а лишь пассивные созерцатели (буквально через «зеркальные окна») неблагополучия социума. Галицийская высшая элита отделена пространственно от мира крестьян: локусы дворцов и деревень соположены, но не пересекаются, т.е. границы между ними непреодолимы ни в ту, ни в другую сторону. Виновниками же бедности галичан названы евреи. Еврейскость, вообще, составляет существенный элемент пространственных описаний Галиции у Греча. Так, по поводу прибытия в Броды автор замечает, что «день был субботний, и ни одного Еврея не было видно на улицах. <…> В Бродах живут тридцать тысяч человек Евреев» [15. С. 186]. Другие национальные элементы в изображении Галиции не упоминаются, прочая антропность охарактеризована социально – через оппозицию «крестьяне – магнаты». Соответственно, образ галицийского пространства маркируется как, по сути, ничейная земля: это уже не немецкое место, но еще не малороссийское.

Помимо великолепных дворцов магнатов, другим галицийским элементом, который описан амбивалентно, является глюттония. С одной стороны, автор упоминает, что «пища и другое угощение в тамошних гостиницах самые скудные», а с другой – хвалит местный кофе со сливками: «Одна вещь сносна, а иногда и хороша – это кофе. Его варят усердно, прилежно и подают с густыми сливками. В Вене же и других местах Германии подают вам под именем кофе какого-то светло-бурого настою, жидкого, безвкусного» [15. С. 185]. Причем мотив сливок является единственным, который не просто подчеркивает ненемецкость Галиции, но и представляет собой маркер Своего, то есть наличие сливок хотя бы в малой части делает описываемое пространство своим: «Сливок я и не отведывал заграницею. Достойно примечания, что в Германии существует для обозначения сливок множество слов <…>, но самих сливок в наличности не имеется» [15. С. 185].

Если принять в расчет общую негативную характеристику Галиции и ее низкую значимость для автора, неудивительно, что он выделяет лишь два галицийских локуса – Львов и Броды – и характеризует их весьма скупо. Последние маркированы еще и как финальный пункт «австрийского» фрагмента путешествия Греча, формально последняя, не считая таможни, точка пространства Чужого, после которой нарратор попадает в Свое, пространство Российской империи: «…выехал я из Брод; мысленно прощался с чужими краями <…> и благословлял Провидение, приведшее меня здрава и невредима на родину, под сень мощных русских орлов. Пограничная черта пролегает верстах в шести от Брод. На австрийской стороне застава. Немецкие солдаты расхаживали пред нею в патриархальном неглиже и приветливо кланялись путешественникам» [15. С. 186–187].

С момента попадания в пространство Своего степень положительности в локальных описаниях начинает нарастать. Первым положительным маркером явился атрибут «могучести» «орлов», то есть российской империи. Следующим местом встречи со Своим выступает локус «глухого леса, верстах в трех от таможни», где нарратор встречает «нашего таможенного досмотрщика, высокого, статного красавца», чья грудь «украшена» «рядом медалей» [15. С. 187]. Эта фигура также воплощает мощь империи, в каждой точке которой актуализирована связь со столицей: «…он стоял во всей форме, как бы в

Петербурге» [15. С. 187]. Причем связность империи проявляется через принадлежность антропного образа к другим ее центрам – Москве и Киеву: досмотрщик – «малороссиянин» Киевской губернии и служит в «Лейб-гвардии Московском» полку [15. С. 187]. Описание этой фигуры составляет контраст с комическим изображением австрийских таможенников. Также Греч отмечает неподкупность отечественных таможенников: «Мы довольны милостями Государя; жалованье получаем хорошее, и ничего не возьмем» [15. С. 188].

Таможня относится к локусу Радзивилова (совр. Радивилов), первом пункте «своего» пространства. К положительным характеристикам данного локуса относится также его окказиональная солнечность. Всю дорогу по Галиции до Радзивилова Греча, «к довершению разочарования» путешественника от Галиции, сопровождает «беспрерывный» дождь [15. С. 184], но стоит нарратору пересечь границу Чужого, как начинается хорошая погода, соответствующая пространству «полуденной» идиллической России, образу Украины-Малороссии, сложившемуся в русской литературе в конце XVIII – начале XIX в. [8. С. 157]: «Со въездом моим в переделы России изменилась и погода[1]. Тучи рассеялись, и красное солнышко проглянуло» [15. С. 190]. Самим народным обозначением светила как «красного солнышка» Греч переключает регистр повествования на рассказ о Своем. Не исключено также, что это служит скрытым предуготовлением к «киевскому» фрагменту травелога, где среди прочих фигур упомянут князь Владимир, называемый в былинах Красным Солнышком[2]. Также Радзивилов маркирован в качестве Своего, русского начала, через культурные черты – язык, веру и обычаи – в сцене с набожным ямщиком, противопоставленным грубым европейским «почтилионам»: «Доныне, в странствии по многим странам Европы, привык я к тому, что всякая

[1] Возвращение же непогоды отмечено после оставления Киева и Полтавской губернии как средоточия аркадской полуденности и отправления «домой на хладный север»: «Путь мой, из Золотоношского Уезда в Петербург, был прозаический, фельдъегерский. Чрез самые значительные города, Чернигов, Могилев, Витебск, Порхов, проезжал я по ночам. Днем видел покрытое туманами и тучами небо…» [15. С. 198].

[2] Далее мотив красноты / красоты проявлен непосредственно в описании Киева («красные берега Днепра» [15. С. 191].

поездка начиналась бранью… – обыкновенными приветствиями почтилионов в начале пути. Здесь ямщик перекрестился, с глубоким чувством произнес: “Благослови Господи!” Прикрикнул: “Эй, вы, соколики!”[1] И коляска помчалась. Вам удивительно слышать, что здесь, на границе Галиции, на Волыни, говорят и молятся по-русски? Да это наше старинное Галицкое Княжество. Крестьяне здесь все Русские, православные» [15. С. 189–190], т.е. если Галиция еще не Свое, то Волынь в ее «низовом», народном слое уже является Своим.

Ни Волынь, ни Киевская губерния в тексте не описаны. Автор лишь сообщает, что «пролетел» их «в два дня с небольшим» [15. С. 190], что составляет контраст с галицийским «тюремным» пространством, по которому Греч с попутчиком «дотащились» [15. С. 185] за семь дней до Львова. Такое «пренебрежение» пространством может быть объяснено тем, что образы Волыни и Киевской губернии затмевает образ Киева, крайне значимого, как увидим, локуса для писателя. Чрезвычайно краток Греч и в описании пост-киевского фрагмента своего путешествия по Малороссии. Автор лишь сообщает, что «провел несколько дней в объятьях родственной любви и дружбы» в Полтавской губернии, которую он представляет как воплощение типичной идиллической «прекрасной Малороссии», маркированной «малороссийскими песнями»[2] и «тамошними обычаями» [15. С. 197–198], т.е. в самом общем виде, без подробностей. Здесь единственным топонимом, связанным с пространством исторической памяти, является река

[1] Ямщицкая езда как способ взаимодействия с пространством есть устойчивый мотив русской культуры, то есть является маркером русскости и имеет множество вариаций от суриковской «Степь да степь кругом» до гоголевской птицы-тройки. В плане же противопоставления русской и иностранной (немецкой) езды показательно, например, стихотворение П.А. Вяземского «Масленица на чужой стороне»: в России «пышут бешеные тройки <…> Вот взвились и полетели, что твой сокол в облаках!» [16. С. 4]; «сани» же в Германии «… – подобной дряни не видал я на веку; стыдно сесть в чужие сани коренному русаку» [16. С. 6].

[2] Вообще, мотив малоросских песен есть устойчивый культурный маркер малоросскости. В тексте Греча он встречается при репрезентации как Полтавской губернии, так и самого Киева («заунывные малоросские песни» [15. С. 191]). Ср. с характеристикой А.С. Пушкина антропных образов в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» как «племени поющего и пляшущего» [17. С. 108].

Сула («берега исторической Сулы»), что отсылает к битве русских князей с половцами.

Малоподробны и описания Гречем предместий Киева, характеризуемые ретардацией предвкушения скорого попадании в сакральное пространство и окрашенные яркой эмоциональностью, не свойственной для рациональной гречевской манеры описания Германии: «Пошли холмы. Пред станциею Белогородскою дорога пролегает между двумя отвесными боками прокопанной горы. Вдали синеется что-то похожее на туман над рекою. Ближе и ближе. Сердце бьется. Я близ Киева. Слышу, часы бьют полдень. Влево мелькнула маковка златоглавой колокольни. …я очутился в древней отчине Владимира и Ярослава» [15. С. 190]. В данном фрагменте отметим, во-первых, ослабленную визуальность пейзажного изображения, скрытого туманом как сакральной дымкой, одновременно дающей простор воображению, ониризму («синеется что-то похожее на туман», «мелькнула маковка златоглавой колокольни»); во-вторых, маркирование киевского локуса через пространство исторической памяти («вотчина Владимира и Ярославля»).

Эти две черты (ониризм и историоцентричность) присущи дальнейшему описанию Киева в травелоге. В основном мы будем иметь дело здесь с онирическим[1] Киевом, городом фантазий и детских мечтаний, который в силу своей сути лишен вещественной конкретности: «Наконец я в Киеве, куда издавна стремился мыслию и воображением, как в страну обетованную, – в том городе, который с детских лет занимал мою фантазию, питал во мне помыслы о великих подвигах доблести и благочестия в веках минувших, о нетленной прелести природы на красных берегах Днепра. Матушка моя, рожденная в пиитической Малороссии, воспитанная в Киеве, зажгла в младенческой душе эту искру любви и уважения к полуденной России, к древнему, священному граду Киеву. Заунывные малоросские песни убаюкивали

[1] В рамках отдельного смыслового фрагмента автор дважды использует слово «воображение», однокоренные слова со значением мыслительной деятельности («мысль», «помыслы»), а также единожды – слово «фантазия». Кроме того, имплицитно в тексте присутствует онирический мотив сна – через образ баюкающих песен.

меня в первые дни моего существования. Киев со всеми своими красотами, преданиями, поверьями был тою волшебною страною, куда летало детское мое воображение» [15. С. 191]. Это Киев с чужих слов и в то же время самый интимно-личностный образ, тесно слитый как с материнской, так и с сакральной образностью. Также Греч воспроизводит украинский текст русской литературы, заложенный еще сентименталистами и маркируемый такими обозначениями, как «пиитическая Малороссия», «полуденная Россия» (в рамках русской локальной оппозиции Юга (Киева) и Севера (Петербурга), «нетленная прелесть природы». Прорыв в мифопоэтическое пространство актуализирован через мотивы «страны обетованной», «волшебной страны», «священного града». Легендарно-романтический образ Киева кодирован образами «малоросских песен», «преданий, поверий».

Гречевская образность Киева (и шире – Малороссии) строится на тонкой нюансировке в рамках оппозиции «Свое – Чужое». С одной стороны, «полуденная Россия» и Россия северная (великоросская) принадлежат к единой российской общности. С другой – в репрезентации «полуденной России» актуализирован оттенок экзотизма, отличия от северного «эталона», являющегося точкой (культурной) привязки для автора. Этот экзотизм обозначен как природно (более южный климат), так и культурно, где, пожалуй, основным маркером является языковой. Нарратор определяет малоросскость таможенного досмотрщика по «произношению», которое «изменило» последнему [15. С. 187]. При этом сам Греч признается в причастности к Малороссии через язык: «…язык Малороссии был мне близок и мил. Даже в поздние лета с трудом мог я отречься от употребления на письме некоторых малороссийских слов, выразительных, задушевных…» [15. С. 191–192]. В то же время не только малоросский элемент проникает в великоросский, но и наоборот, что подчеркивается Гречем как свидетельство единого культурного пространства, когда Киев в языковом плане мало чем отличен от «эталона» – «истинной Великороссии»: «Меня удивило в Киеве одно. Я воображал, что приеду в город малороссийский: вместо того очутился посреди истинной Великороссии. Везде говорят чистым русским языком. Изредка послышится *эге*, которым Малороссияне заменяют *да*» [15. С. 197]. Другим локальным

экзотизмом выступает одежда крестьян, которых, однако, нельзя причислить к собственно киевлянам: «И еще напоминают Малороссию свитки с капюшонами на крестьянах» [15. С. 197].

Онирический Киев, сложенный из детских фантазий и русского культурного наследия, предваряет посещение города и накладывается на Киев реальный, поэтизируя образ последнего, как поэтизирован у Греча образ Малороссии в целом. Соответственно, заранее очарованный Киевом нарратор отнюдь не разочарован реальностью[1], которая представляется эталонным идиллическим локусом («Не могу выразить удовольствия, восторга, умиления, с какими я въехал в Киев, прекрасный во всех отношениях!» [15. С. 192]), а киевское пространство противопоставлено галицийскому, по ту сторону границы. Первое характеризуется визуальной привлекательностью («прекрасный во всех отношениях», «прекраснейшее месторасположение»), чистотой («чистые улицы»), простором и открытостью («привольные, открытые высоты», «широкие улицы») и уютной приземленностью («невысокие, миловидные дома»), которая нивелирует вертикаль киевских холмов, смягченную к тому же их сглаженностью («отлогие возвышения») [15. С. 192]. Второе, напротив, – вертикальностью построек («высокие готические дома»), темнотой («темные города»), узостью/сдавленностью по горизонтали («узкие улицы»), грязью («грязные местечки») [15. С. 192].

В то же время ониризм в сочетании с повышенной эмоциональностью восприятия и значимостью локуса для Греча порождают феномен «немоты», когда автор не находит возможности передать словами наблюдаемое. Отсюда следует фактически отказ от конкретности в описании[2]: «Описывать ли Киев? Если вы там были, описание будет

---

[1] В этом смысле гречевский Киев в травелоге «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» представляет собой противоположность гречевской же Германии из текста «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году», когда предварительно составленный романтически-онирический образ страны не выдержал столкновения с реальностью: «Для чего не остался я на левом берегу Рейна, чтоб утешаться сею приятною мечтою? Существенность меня разочаровала!» [18. С. 121].

[2] Ср. также с предшествующим пассажем о Киеве: «Не могу выразить удовольствия, восторга, умиления, с какими я въехал в Киев…!» [15. С. 192]. Гречевские травелоги не отличаются сильной эмоциональностью, и там, где, по логике

слабо и мертво; если не были – беглый взгляд странника, проведшего в нем три дня, не удовлетворит вашему любопытству. Делиться же с вами тем, что волновало мою душу, что возбуждало во мне священный трепет великих воспоминаний, мог бы я только на самом месте. Хотите ли насладиться истинно[1] изящным? Поезжайте в Киев» [15. С. 192], т.е. характеристиками киевского пространства, которые мы узнаем из этого пассажа, являются лишь его «истинная изящность» (маркер сентименталистского дискурса) и связь с пространством исторической памяти («великие воспоминания»[2]).

В известной мере при описании Киева Греч следует отечественной традиции «сближения литературы и изобразительного искусства», сложившейся в конце XVIII – первой четверти XIX в. [19. С. 2–3] и предполагающей наложение образа живописной картины на пейзажное описание. Действительно, созерцательное наслаждение Греча пейзажами Киева сродни сентименталистскому удовольствию от облагороженной природы, при этом описание киевских «картин» построено по принципу постоянной их смены, как в калейдоскопе: «Вы найдете прекраснейшее местоположение на отлогих возвышениях, с которых вид беспрерывно изменяется. Вы увидите древний Днепр, влачащий струи свои посреди широких отмелей. Взгляните с паперти

сентименталистского или романтического дискурсов, должны следовать эмоциональные описания пространства, нарратор пасует. В упоминаемой выше «Поездке во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году» Греч открыто признает, что не принадлежит «к последователям романтики» [18. С. 110], а также отказывается состязаться в описаниях с карамзинскими «Письмами русского путешественника»: «Не стану повторять истории Пале-Рояля <…> Все это можно найти в подробности в Письмах Русского Путешественника, которые писаны лет за тридцать пред сим, но отнюдь не устарели и – не устареют никогда!» [18. С. 55–56]. Соответственно, в третьей части «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» есть, например, подробнейшее описание умеренно идиллического Мюнхена, но нет детального изображения в высшей степени идиллического Киева.

[1] Киев есть образцовый сакрально-идиллический локус, что дважды подчеркивается утверждением истинности его характеристик: в городе, отнесенном к «истинной Великороссии» наслаждаются «истинно изящным».

[2] При этом образ пространства «воспоминаний» связан с сенсуалистским удовольствием от контакта с ними. Греч сообщает, что прожил «три дня в Киеве, посреди удовольствий воспоминания» [15. С. 197].

Андреевского Собора или с треугольника в Дворцовом Саду на Подоле, нижнюю часть города, когда она мало-помалу выходит из седых туманов!.. И я наслаждался этими картинами в половине октября!»[1] [15. С. 192]. В то же время пейзаж этот менее детален и конкретен, полускрыт «туманом», к мотиву которого возвращается Греч в репрезентации города.

В том, что данный туман назван «седым», содержится не только цветопись, но и отсылка ко второму «лику» Киева – пространству исторической памяти. Закономерным образом в репрезентации локуса актуализирован лейтмотив его древности: «древняя отчина Владимира и Ярослава» [15. С. 190], «древний, священный град Киев» [15. С. 191], «древний Днепр» [15. С. 192], «древняя византийская мозаика» и «древнейший памятник», «гробница Великого Князя Ярослава» в Софийском соборе [15. С. 193]. При этом мотивы древности и сакральности зачастую сопрягаются Гречем, что в результате дает нам описание Киева как пространства «священной» для русской культуры истории: «древний, священный Киев» возбуждает, напомним, «священный трепет великих воспоминаний». Здесь же, «…на Крещатике, где теперь возвышается памятник Святому Владимиру, крещается Русский Народ, и сим священнодействием льются на него слава, величие, благоденствие на земли, спасение на небесах», а Печерский Монастырь связан с «воспоминаниями священными», поскольку в его «подземных кельях» «…благочестие, укрывшееся от лучей дневного светила, искало путь к немеркнущему свету солнца небесного» [15. С. 193]. Попутно отметим, что киевское пространство оказывается маркировано мотивом трех солнц: былинно-народного «красного солнышка», несущего свет «дневного светила» и, наконец, сакрально-христианского «солнца небесного». Неудивительно, что Киев в гречевском тексте изображен как квинтэссенция сакральности, что сдвигает регистр повествования и окказионально превращает мотив светского путешествия в мотив паломничества: «Я не мог заключить моих шестимесячных странствий… в местах священнее и драгоценнее здешних» [15. С. 195], т.е. Киев здесь подан как кульминация странствия, чей образ перекрывает образ Своего, «родного» Петербурга,

[1] Это есть маркер южности Киева как локуса «полуденной России».

хотя и сохраняет значение лиминальности, будучи названным «прагом отечества» [15. С. 195] (в «высокой», церковнославянской огласовке).

С другой стороны, образ порога можно трактовать не в пространственном, а в темпоральном значении. Тогда Киев выступает хронотопом правремени или легендарного прошлого с соответствующим набором первособытий, определяющих дальнейшее устройство мира – в нашем случае России. Соответственно, хронотоп Киева в гречевском тексте предполагает совмещение в одних топосах прошлого и настоящего для наблюдателя, слитых в некое синкретичное временное единство. Это другая стороны ониризма – исторические видения, связанные с киевскими локусами: «Станьте на возвышении и подумайте: здесь остановился Олег и взял достояние законного Русского Князя. Видите ли, плывет в волнах Днепра неустрашимый юноша с вестию Святославу о нашествии Печенегов?» [15. С. 193]. В этот темпорально-«пороговый» ряд «первообразов» можно отнести и упоминание Киевской Академии, «первого рассадника просвещения в нашем отечестве» [15. С. 195].

Пространство исторического прошлого актуализируется в Киеве через ряд знаковых топосов, которые не описываются, а лишь называются. Это топосы-знаки, которые призваны вызвать в памяти читателя целый ряд исторических ассоциаций и поэтому не нуждаются в подробном изображении, что согласуется с онирической природой гречевского Киева: «Вот Боричев въезд! <…> В Софийском Соборе, сохранившемся лучше всех прочих зданий Киева, видите древнюю византийскую мозаику, оригинальную рисунком и красками: она внизу изломана до той высоты, куда могло достигнуть копье татарское!» [15. С. 193]. Важно подчеркнуть, что в Киеве действует не отстраненный нарратор, пропускающий увиденное через призму рациональности, а грезящий созерцатель. Отсюда мотив возвращения в Киев как в детское пространство, преобладание emotio над ratio, выраженное обилием восклицаний и общей возвышенно-приподнятой манерой описания города.

Разумеется, не обойден вниманием в киевском пространстве исторической памяти и мотив «любви к отеческим гробам». Как знаковые сакрально-мортальные места выделены Аскольдова и Олегова могилы, причем соположение их в хронотопе Киева актуализирует мо-

тив примирения земных противников в вечности: «Одна земля приняла их. Память их на одной и той же странице Истории»[1] [15. С. 193]. В рамках локуса Киево-Печерской лавры выделены могилы Румянцева-Задунайского («в приделе Иоанна Богослова»), «страдальцев за честь и правду», «генерального судьи Кочубея и полковника Искры» («вблизи входа в трапезу»), а также («при входе в большую церковь» [15. С. 193]) «знаменитой добродетелями и несчастиями своими Княгини Натальи Борисовны Долгорукой, урожденной Шереметевой» [15. С. 193–194]. Соответственно, киевское пространство маркировано как локус и героев-полководцев, и страдальцев-мучеников за «правду», т.е. является пространством сакральной истории: «Воспоминание былых дней, бессмертных подвигов, великих страданий сопровождает вас здесь на каждом шагу» [15. С. 194].

Наряду с историко-онирическим образом, Киев в тексте Греча представлен также образом реальной современности, который лишен сакральности, но также идилличен. Правда, идиллия эта не патриархально-легендарная, а рационализированная. В ее описании автор также не вдается в детали, и она служит дополнением к историко-онирическому «ядру» Киева как текста. Упорядоченностью, новизной и масштабностью маркирован локус киевской крепости («новые строения в крепости, изумительные своею огромностью, прочностью и чистотою отделки» [15. С. 195]). Упорядоченностью, привлекательностью, благовоспитанностью отмечены описания учебных заведений: «Университет Св. Владимира помещается в прекрасном здании, на открытом месте. Везде господствует порядок, благоустройство, уважение к старшим, любовь к наукам и тихое, усердное занятие своим делом. <…> Я посещал… учебные заведения Киева и везде находил то же хорошее устройство, ту же любовь к наукам и занятиям, ту же отеческую заботливость начальства» [15. С. 196]. Наконец, благоустроенностью, упорядоченностью охарактеризован Киев в целом: «…Киев и без исторических воспоминаний своих, без монастырей и без крепости есть город достойный

[1] Характерно здесь уподобление земли (пространства) и истории (времени) в единый синкретический хронотоп. Кроме того, образ «страницы Истории» в контаминации с образом города может дать нам трактовку Киева как города-книги / летописи, чьи топосы есть одновременно сюжеты.

внимания, прекрасный и приятный. Улицы проложены прямо и правильно. Съезды с гор отлогие и удобные. Мостовая хорошая. Освещение достаточное» [15. С. 197]. В качестве главного упорядочивателя городского пространства назван «бывший военный губернатор Граф В.В. Левашев», «…который совершенно преобразовал его в наружном отношении» [15. С. 197].

Подводя итоги, подчеркнем, что украинское пространство в травелоге Греча представляет собой концентрическую структуру и пронизано кодом лиминальности в различных ее вариациях в поле смыслового напряжения между полюсами Своего и Чужого. Если брать финальный фрагмент гречевского текста (третью часть путевых писем), то он представляет собой рассказ о возвращении на родину «южным» маршрутом – через Баварское королевство и Австрийскую империю в империю Российскую (с Петербургом как ее центром и одновременно конечной точкой путешествия). С данной точки зрения Украина выступает в тексте неким пограничным пространством между немецкостью (Чужим) и русскостью (Своим).

В этом смысле примечателен образ Галиции как «ничьей» земли. Формально она относится к австрийским владениям, но ее немецкость лишь слабо маркирована локусом австрийской таможни, а в остальном всячески отрицается через ряд оппозиций, где с немецкими локусами связаны упорядоченность, уютность, чистота, филистерство (изображение «типажной» немецкой бюргерской идиллии а-ля бидермайер), тогда как галицийские – маркированы неупорядоченностью, бедностью, визуальной непривлекательностью, грязью, темнотой, узостью (образ подавляющего антропность энтропийного пространства). Единственные «анклавы» порядка и богатства в Галиции представлены дворцами магнатов, которые, однако, резко контрастируют с окружающим рустикальным пространством. Ни о связи ее со славянскостью, ни, тем более, с малоросскостью речи в гречевском тексте не идет. Только сфера глюттонического имеет нечто общее со Своим – образ сливок, которых не встретишь в германских землях. Также Галиция в тексте противопоставлена Малороссии в рамках оппозиции «энтропийное пространство – идиллическое пространство».

В этом плане входящая в состав Российской империи Волынь отмечена большей степенью выраженности Своего. Ее русскость актуа-

лизирована в антропных характеристиках пространства в его простонародном, крестьянском (не элитарном) срезе, будучи маркирована православной верой и русским языком. С Малороссией локус Волыни связывают образ встретившегося нарратору на границе малоросского таможенного досмотрщика, а также окказиональный мотив солнечности: в Галиции путешественника преследует пасмурная погода, а солнце появляется лишь в Радзивилове и продолжает ярко светить на всем протяжении пути по малоросскому пространству. Кроме того, волынский локус атрибутирован Гречем в качестве Своего через связь с историческим пространством русского Галицкого княжества, что примечательно, поскольку ни Львов, ни Галиция в целом в такой контекст автором не введены.

В рамках левобережного украинского (малоросского) пространства упомянута Полтавская губерния (в частности, Золотоношский уезд, берега Сулы), но ее образ дан в самых общих чертах и фактически сливается с «типажным» образом Малороссии как идиллического пространства, южной «полуденной России» с элементами экзотизма в сопоставлении с северным, великоросским, пространственным вариантом, при этом оба варианта мыслятся Гречем в рамках единого Своего, т.е. русского пространства. Также из провинциальных локусов упомянута, но фактически не описана Киевская губерния.

Соответственно, фокус внимания нарратора в «украинском» фрагменте травелога направлен на описание Киева как семиотического центра окружающего его пространства, где упорядоченность и «свойность» выражены в наибольшей степени. Особость Киева подчеркнута вертикалью холмов, возносящей город над горизонталью прочих малоросских локусов и знаменующей его связь с небесно-сакральным пространством, представленным образами физического и метафизического (небесного) солнц, с одной стороны, а с другой – с подземно-сакральным пространством (образы могил великих деятелей прошлого и подземных келий Киево-Печерской лавры). Отметим, что обычный мифопоэтический хтонизм Нижнего мира не присущ репрезентации Киева, наоборот, подземные кельи маркированы образом небесного солнца, т.е. связью с Верхним миром. Также ореографическая, как правило, надантропная образность в репрезентации города смягчена, вписана в антропное пространство: холмы Киева связаны с небесным началом, но им чужда дикость гор.

В целом пространственная структура киевского текста у Греча довольна сложна и предполагает совмещение нескольких образов. Есть здесь общий идиллический, синкретичный (сентименталистско-романтический) элемент, вписывающий Киев в образ имажинально-географической Малороссии и маркирующий данный локус мотивами уюта, благоустроенности, широты, привлекательности, легендарности. Но город представляет собой в семиотическом плане нечто большее, чем просто квинтэссенция малороссскости. В частности, в образе Киева – через языковое пространство – маркирована соотнесенность с Великороссией. Наконец, Киев изображен как «вечный город», т.е. первогород для общего русского пространства в его как южном, так и северном «изводах» (отсюда актуализированные образы Киева как «отчины» и «прага отечества»). Вечен маркированный лейтмотивом древности Киев и потому, что его хронотоп предполагает сопряжение времен: пространство истории продолжает существовать в нем в образах многочисленных памятников, прошлое живет в настоящем, в том числе и в «визионерском» опыте нарратора.

Образ Киева в травелоге множится в переплетении различных смыслов, что подчеркнуто также мотивом днепровских туманов, придающих киевской образности визуальную неопределенность. Вообще образ города лишен вещественности: его локусы-реалии скорее обозначены, чем описаны (Боричев взъезд, Софийский собор, Андреевский Собор, Киево-Печерская лавра, Крещатик, Дворцовый сад на Подоле, Днепр и т.п.). Многие из них маркированы мотивом сакральности, связи с русским вариантом «священной истории». Но ослабленная визуальность касается и репрезентации условно «профанных», современных обычных улиц и учебных заведений Киева, его крепости.

Это обусловлено тем, что образ реального Киева в травелоге Греча подавляется образом Киева онирического. Данный ониризм, в свою очередь, двоится. С одной стороны, он порождается русской коллективной культурной памятью, делающей киевское пространство чрезвычайно семиотически насыщенным для нарратора и читателей, которым, по мысли автора, не требуется подробных пейзажных описаний, чтобы сконструировать в своем сознании образы праистории. С другой стороны, пространство Киева имеет для Греча личное, интимно-семейное значение, связанное с образом матери и мотивом детского

ониризма, создавшего свой образ города. Путешествие в Киев для автора есть не только посещение «матери городов русских» с его правременем, но и возвращение в детство, контакт с собственным онирическим опытом, растянутым между «тогда» и «сейчас», между антиципацией пространства и созерцанием его в реальности. Это делает повествование крайне экспрессивным и одновременно мотивирует отказ нарратора от подробного описания.

Список источников

1. *Булкина И.* Киев в русской литературе первой трети XIX в.: пространство историческое и литературное : дис. … д-ра философии по русской литературе. Тарту, 2010. 213 с.

2. *Васильева Т.А.* У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2014. 232 с.

3. *Марчуков А.В.* Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М. : Регнум, 2011. 294 с.

4. *Крюкова О.С.* Романтический образ Украины в русской литературе XIX века. М. : Наука, 2017. 125 с.

5. *Киселев В.С., Васильева Т.А.* Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья первая) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 3 (23). С. 63–79.

6. *Киселев В.С., Васильева Т.А.* Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (Статья вторая: «Необходимо снизойти под кровлю селянина...») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 61–77.

7. *Киселев В.С., Васильева Т.А.* Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (Статья третья: «Между Польшей и Россией») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 102–123.

8. *Левкиевская Е.Е.* Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы // Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии: сборник статей. М. : Институт славяноведения РАН, 2008. С. 154–176.

9. *Овчинников Д.П.* Малороссия и малороссийский текст в творчестве Н.В. Гоголя (введение в тему) // Язык и культура. 2016. № 26. С. 194–199.

10. *Мамуркина О.В.* «Пускай их Шаликов поет»: элементы интертекста в травелоге «Путешествие в Малороссию» // Пушкинские чтения-2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XIX Международной научной конференции. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 14–18.

11. *Сторожева А.А.* Образ степи в сентиментальных травелогах начала XIX века // Литература Древней Руси и Нового времени: материалы XI Всероссийской конференции «Древнерусская литература и литература Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, г. Москва, 3–4 декабря 2020 г. М. : МПГУ, 2021. С. 155–161.

12. *Шаталов Д.В.* «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества // Мир историка: историографический сборник. Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. Вып. 9. С. 224–240.

13. *Аксенова М.В.* «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча в контексте русской литературы путешествий XIX века // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 3. С. 7–21.

14. *Жданов С.С.* «Благословенная Германия» между emotio et ratio: новые аспекты немецкой пространственной образности в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 24–59. doi: 10.22455/2686-7494-2023-5-3-24-59

15. *Греч Н.И.* Путевые письма из Англии, Германии и Франции : в 3 ч. СПб. : Типография Н. Греча, 1839. Ч. 3. 198 с.

16. *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского : в 12 т. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1887. Т. 11. 463 с.

17. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : Художественная литература, 1962. Т. 6. 590 с.

18. *Греч Н.И.* Сочинения Николая Греча : в 5 ч. СПб. : Типография Н. Греча, 1838. Ч. 4. 374 с.

19. *Абашев В.В.* «Картины» Вяземского // Russian Literature. 2003. Т. 53, № 1. С. 1–12.

References

1. Bulkina, I. (2010) *Kiev v russkoy literature pervoy treti XIX v.: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe* [Kyiv in Russian Literature of the First Third of the 19th Century: Historical and Literary Space]. Russian Literature Dr. Diss. Tartu.

2. Vasil'eva, T.A. (2014) *U istokov ukrainofil'stva: obraz Ukrainy v rossiyskoy slovesnosti kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX veka* [At the Origins of Ukrainophilia: The Image of Ukraine in Russian Literature of the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

3. Marchukov, A.V. (2011) *Obraz Ukrainy v russkom soznanii. Nikolay Gogol' i ego vremya* [The Image of Ukraine in the Russian Consciousness. Nikolai Gogol and His Time]. Moscow: Regnum.

4. Kryukova, O.S. (2017) *Romanticheskiy obraz Ukrainy v russkoy literature XIX veka* [The Romantic Image of Ukraine in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow: Nauka.

5. Kiselev V.S. & Vasil'eva, T.A. (2013) Evolution of Image of Ukraine in Imperial Literature of the First Quarter of 19th Century: Regionalism, Ethnography,

Politicization (Article I). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (23). pp. 63–79. (In Russian).

6. Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2013) Evolution of Image of Ukraine in Imperial Literature of the First Quarter of the 19th Century: Regionalism, Ethnography, Politicization. Article 2. "Neobkhodimo Snizoyti Pod Krovliu Selianina" (It Is Necessary to Descend Under a Villager's Roof). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (26). pp. 61–77. (In Russian).

7. Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2014) Evolution of the Image of Ukraine in the Imperial Literature of the First Quarter of the Nineteenth Century: Regionalism, Ethnography, Politicization. Article 3. "Between Poland and Russia''. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (27). pp. 102–123. (In Russian).

8. Levkievskaya, E.E. (2008) Ukraina i ukraintsy: obrazy, predstavleniya, stereotipy [Ukraine and Ukrainians: images, ideas, stereotypes]. In: *Russkie i ukraintsy vo vzaimnom obshchenii i vospriyatii* [Russians and Ukrainians in mutual communication and perception]. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 154–176.

9. Ovchinnikov, D.P. (2016) Malorossiya i malorossiyskiy tekst v tvorchestve N.V. Gogolya (vvedenie v temu) [Little Russia and the Little Russian text in the works of N.V. Gogol (introduction to the topic)]. *Yazyk i kul'tura*. 26. pp. 194–199.

10. Mamurkina, O.V. (2014) ["Let Their Shalikov Sing": Elements of Intertext in the Travelogue "Journey to Little Russia"]. *Pushkinskie chteniya-2014. Khudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings–2014. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 14–18. (In Russian).

11. Storozheva, A.A. (2021) [The Image of the Steppe in Sentimental Travelogues of the Early 19th Century]. *Literatura Drevney Rusi i Novogo vremeni* [Literature of Ancient Rus' and the New Time]. Conference Proceedings. Moscow. 3–4 December 2020. Moscow: MPSU. pp. 155–161. (In Russian).

12. Shatalov, D.V. (2014) "Putevaya literatura" nachala XIX v. i formirovanie istoriograficheskogo obraza ukrainskogo kazachestva ["Travel Literature" of the Early 19th Century. and the formation of the historiographic image of the Ukrainian Cossacks]. In: *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [The World of a Historian: Historiographic Collection]. Vol. 9. Omsk: Omsk State University. pp. 224–240.

13. Aksenova, M.V. (2020) "Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Frantsii" N.I. Grecha v kontekste russkoy literatury puteshestviy XIX veka ["Travel Letters from England, Germany, and France" by N.I. Gretsch in the Context of Russian Travel Literature of the 19th Century]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal*. 3. pp. 7–21.

14. Zhdanov, S.S. (2023) "The Blessed Germany" Between Emotio et Ratio: New Aspects of German Space Imagery in "Travel Letters From England, Germany and

France" by N.I. Gretch. *Dva veka russkoy klassiki*. 5 (3). pp. 24–59. (In Russian). doi: 10.22455/2686-7494-2023-5-3-24-59

15. Gretsch, N.I. (1839) *Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Frantsii: v 3 ch.* [Travel letters from England, Germany and France: in 3 parts]. Part 3. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha.

16. Vyazemskiy, P.A. (1887) *Polnoe sobranie sochineniy knyazya P.A. Vyazemskogo: v 12 t.* [Complete works of Prince P.A. Vyazemsky: in 12 volumes]. Vol. 11. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.

17. Pushkin, A.S. (1962) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

18. Gretsch, N.I. (1838) *Sochineniya Nikolaya Grecha: v 5 ch.* [Works of Nikolai Grech: in 5 parts]. Part 4. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha.

19. Abashev, V.V. (2003) "Kartiny" Vyazemskogo ["Paintings" by Vyazemsky]. *Russian Literature*. 53 (1). pp. 1–12.

Информация об авторе:
Жданов С.С. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия), заведующий кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий. E -mail: fstud2008@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 26.09.2024.

The article was accepted for publication 26.09.2024.